
С. А. ФОМИЧЕВ

МЕТАМОРФОЗЫ ПОСЛОВИЦЫ О СИНИЦЕ

«Пословица, — отметил Н. В. Гоголь, — не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предположение о деле, но уже подведенный итог делу, отсед, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела из всех сторон его, а не из одной».¹ Образы пословицы, как правило, действительно наглядны, взяты из народного быта. Ср.: «Какая пташка раньше проснулась, та скорее и корму найдет», «Сколько кукушке ни куковать, а на зиму — улетать», «И на вольную птицу есть укорота — силки да тенёта», «Лучше синица в руки, чем журавль в небе».

На этом фоне труднообъяснимой представляется пословица: «Хвалилась синица море зажечь, моря не зажгла, а славы наделала». Переносный, иносказательный смысл этого высказывания, конечно, ясен. Но всё же — от какого реального наблюдения здесь отталкивались люди? С чего это синица вознегодовала на море? Ведь к морю, собственно, русская синица никакого отношения не имела, она — не из перелетных птиц.

Оказывается, чтобы найти ответы на эти простые вопросы, мы должны проследить достаточно сложный генезис паремии, обратившись к разнообразному культурному контексту, под влиянием которого шлифовалось данное насмешливое речение.

В старом сборнике русских народных паремий зарегистрирована пословица: «Ходила баба море зажигать, море не зажгла, а слоту явила».² Апофегма эта — возможно, сколок из какого-то сочинения о злых женах, весьма продуктивного в древнерусской литературе. Ср., например, в сборнике *фацеций*:

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.,] 1952. Т. VIII. С. 392.

² Симоны П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII–XVIII столетий. СПб., 1899. Вып. I–II. С. 150.

Злой жене никто не устреже,
Естьли бы ю посадил и на верх веже (*башни*).
Жена, огонь, море
Ходят в одной своре.

Не вызывает сомнения, что намеренье бабы поджечь море воспринималось как кощунство, ибо подспудно соотносилось с библейскими текстами. Возникшие в обстановке сухопутной жизни священные книги всегда воспринимали море как чуждую и грозную стихию, не просто опасную для человека, но подвластную лишь Богу: «Ты владычествуешь над яростью моря; когда вздымаются волны его, Ты укрощаешь их» (Пс. 88:10); «Он (*Бог*) кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь...» (Иов 41:23).

Потому-то — «Где бес не сможет, туда бабу пошлет», «Баба бредит, и черт ей верит», «Вольна баба в языке, что черт в своей музыке».

На древность приведенной выше поговорки, в частности, намекает выпавшее из живой речи слово: «*слоту* явила». Слота — это слякоть, мокреть, снег с дождем. Но в концовке апофегмы таилось и язвительное иносказание, так как *слотить* означало врать, хвастать. Тем самым поговорка о хвастливой бабе сближалась с притчей, приведенной еще в «Пчеле»: «Иже противу хвале дела не вершит, купно обидит хвалящих, а сами ся обличают» (Кто не подтвердит хвалу делом, сразу и хвалящих обидит, и себя обличит).³

Синица, например, вспоминалась в «Молении Даниила Заточника» (XII–XIII в.): «не сей на межах сита, ни мудрости в сердцах глупых <...> Как в дырявые меха лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупым — мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупца не научишь. Коли пожрет синица орла, если поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится».⁴

Все это, в свою очередь, предопределило дальнейшее варьирование сентенции «Ходила баба море зажигать, море не зажгла, а слоту явила». По законам живой речи, как отметил В. В. Колесов, «афоризмы, все более отвлекаясь от породившего их события и человека, обкатываются в разговоре: для них важна не точность формулировки, а образность, ясность языка, звучание»; «неожиданность смыслового сближения — еще одно свойство древнерусского изречения. Как правило, высказывание доброжелательно, это юмор, а не ирония или сарказм <...> уменьшительность воспринимается улыбочиво, как ласка»; «словесный образ поговорки не стирается со временем, потому что в границах поговорки этот образ постоянно совершенствуется, обновляется, поговорка избегает устарев-

³ Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.). М., 1989. С. 278, 316.

⁴ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 395.

ших или непонятных форм»; «устаревшие слова заменяются новыми, иначе пословица становилась бы непонятной, утрачивала способность к воспроизведению».⁵

Можно догадаться, почему в народной пословице баба была вымещена синицей. Прежде всего, здесь проявилась тенденция к уменьшению деятеля — см.: «Невеличка синичка, да та же птичка»; «Не много зинька ест-пьёт, а весело живёт»; «Синичка — воробью сестричка». Это, в свою очередь, сблизало ее и с бабой — ср.: «Синица не птица, а прапорщик не офицер» и «Курица не птица, баба не человек».

К тому же в щебете синички человеческое ухо различало нечто осмысленное: «имеется целый ряд словесных интерпретаций пения синицы, по преимуществу отражающих события календарно-хозяйственной жизни, а также шуточные фольклорные тексты, построенные на звукоподражании пению этой птицы. Так, в Смоленской губ. считают, что перед наступлением весны синица меняет голос. В феврале она поет: “В пуни светится, светится; мужик, носи сено, да не труси”. С наступлением весны напоминает о начале пахоты: “Куй, мужик (кузнец), лемеша”. На Украине синица призывает весной менять сани на телегу и начинать сев: “Тиливоз, тиливоз, кидай сани, бэры воз!”. “Діду, діду, сій ячмень, кядай сани, бери віз!”. “Тютюн сей!”. В Полесье пение синицы расценивают как предвестье дождя: “Пиць-пиць!”, а в Болгарии — снега: “Сипи! сипи! сипи!”. У лужичан синица-лазоревка дразнится и издевается, давая совет подоить барана: “čín, čín, čín, čarara, / Росусај барана, / Styri giance twaroga” (Чин, чин, чин, чарара, подои барана, четыре кринки тварога). Поляки шутят над синицей из-за того, что она первая утром приветствует хозяина: “Dzień–dobry–panu!”».⁶

⁵ Колесов В. В. Афористика Древней Руси // Мудрое слово Древней Руси. С. 11, 15, 16, 17.

⁶ Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 739–740. «У <синицы>-большака удивительно разнообразный репертуар криков, позывов и коротеньких песенок на разные моменты жизни. Песня синицы — громогласный перезвон “ци-ци-ци-пи”, крик — звонкое “пинь-пинь-чрррж”. Весной однообразная зимняя песня “зип-зи-вер” пополняется двух- или трехсложными напевами из ритмичного повторения звенящих звуков “ци-ци-фи-ци-ци-фи” или “цу-ви-цу-ви-цу-ви”. Летом <синица>-“кузнечик” то нежно и тихо посвистывает, то заведет громкую переключку: “пинь-пинь-пинь”, вроде зяблика, то испуганно затрещит “пинь-тарара”. Одна и та же особь способна чередовать три-пять мотивов, различных по ритму, тембру, относительной высоте звуков и количеству слогов. Песня часто звучит при общении между членами пары либо когда птица возбуждена. Кроме собственно пения, имеется и так называемая подпесня — мелодичное тихое щебетание, “мурлыканье”, чаще всего исполняемое в феврале или марте. Специалисты выявляют до 40 вариаций издаваемых синицей звуков» (Курбатов Всеволод. Животный мир Пушкинского заповедника: Справочник. Михайловское, 2012. С. 147 (Михайловская Пушкиниана. Вып. 55)).

Само название эта птица получила по ее «голосу»: *син-ица*.⁷ Но неслучайно русское ухо различало в этом названии и связь с морем (ср. постоянный эпитет: *синее море*).

Синица издавна нередко вспоминалась в связи с морем. Так в пословицах: «Немного синичка из моря упьет», «За морем и синица птица» (*там всё едят*). В шуточном иносказании: «Полетела птица синица за тридевять земель, за море окиян, в тридесято царство, тридевято государство» (*т. е. — ищи-свищи!*).⁸

Но ведь русская синица на зиму за море вовсе и не улетала, а, наоборот, перебиралась поближе к людскому жилью. Почему так случилась, «объясняла», между прочим, популярная скоморошина:

Протекало теплое море,
Слетались птицы стадами,
Садилась птицы рядами,
Спрашивали малую птицу,
Малую птицу-синицу:
«Гой еси ты, малая птица,
Малая птица-синица!
Скажи нам всю истину-правду,
Скажи нам про вести морские:
Кто у вас на море больший?
Кто у вас на море меньший?»
Провещает малая птица,
Малая птица-синица:
«Глупые вы русские пташки!
Все птички на море большие,
Все птички на море меньшие.
Орел на море — воевода,
Перепел на море — подьячий,
Петух на море — целовальник».⁹

Вереница перечислений-уподоблений заканчивается жалобой синички:

Бедная малая птичка,
Малая птичка-синичка,
Сена косить не умеет,
Стадо ей водить не по силе,
Гладом я, птичка, умираю.

⁷ Ср.: «Синичка щебечет: синь кафтан, синь кафтан, а дурак-то думал: скинь кафтан — он его снял да и бросил» (*Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 186*).

⁸ Там же. С. 187.

⁹ Народно-поэтическая сатира. Л., 1960. С. 61–62; «Изображение сословного государства под видом зверей, птиц, рыб, грибов и проч. — один из приемов устно-поэтической сатиры, известный с глубокой древности. Старейший вариант этой песни известен по записи Ричарда Джемса 1618–1619 гг.» (Там же. С. 418).

В сущности, здесь синичка объясняла, почему ей за морем неуютно, а потому она на зиму и переселялась к людям — на прокорм. Ср. в стихотворении И. С. Тургенева:

Слышу я: звенит синица
Средь желтеющих ветвей;
Здравствуй, маленькая птица,
Вестница осенних дней!¹⁰

В народном календаре действительно отмечался специальный «синичий праздник», 30 октября, в день Зиновия (Зиновия-синичника). «Русский человек слышал в имени святых созвучие с названием веселой птички — синицы, которую, кстати сказать, в народе часто звали “зинькой”, а дети, обращаясь к ней и подражая ее голосу, припевали: “Синичка-сестричка! Зинь-зинь, зинь-зинь!”».¹¹

Очевидно, в прямой связи с осенним синичкиным праздником возникла пословица: «Синица невелика птица, да всё поле спалила» (тут имелась в виду предзимняя пора, когда «пустело чисто поле»). Но та же пословица о синице известна и в другом варианте: «Хвалилась синица хвостом море зажечь». Это уже намек на огнистое оперение птицы.

Скоморошина же «Протекало синее море» была особенно популярна в русской литературе.

От этой старины отталкивался А. П. Сумароков в стихотворении (иронической утопии) «Хор ко превратному свету»:

Прилетала на берег синица,
Из-за полночного моря,
Из-за холодна океяна:
Спрашивали гостейку приезжу
За морем какие обряды.
Гостья приезжа отвечала <...>
За морем почтенные свиньи,
Нежели бесстыдны сребролюбцы,
За морем не любят за деньги:
Там воеводская метресса
Равна своею степенью
С жирною гадкою крысой...¹²

¹⁰ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 12. С. 298.

¹¹ Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь. СПб., 2007. С. 547. Ср. пословицу: «Не велика птичка-синичка и та свой праздник помнит». Ср.: «ЗИНЬКА. Пташка величиной с щегла; голова у нее черная, виски ниже глаз белые. Подбородок черной, затылок желтой; лопатка желто-зеленая, грудь и брюхо желтоватые, крылья и хвост седые. Водится в ольшанике» (Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. III).

¹² Сумароков А. П. Стихотворения. Л., 1935. С. 312–314. По другой версии, автором этого стихотворения был Ф. Г. Волков.

Во «Введении» к своему переводу «Простонародных песен нынешних греков» Н. Н. Гнедич отмечал: «Соловьи, гуси, утки, ласточки, кукушки составляют действующие лица наших песен, любимейшие сравнения древнейших произведений поэзии, начиная с “Слова о полку Игореве”. Есть песни, например: *Протекало теплое море* или *За морем синица не пышно жила*, в которых, с необыкновенною веселостью ума русского, перебраны почти все птицы домашние и окружающие жилища человеческие». ¹³

Отзвук тех же скоморошин и в стихотворении Пушкина «Зимний вечер»: «Спой мне песню, как синица / Тихо за морем жила...» Ср.:

За морем синичка не пышно жила,
 Не пышно жила, пиво варивала,
 Солоду купила, хмелю взаймы взяла,
 Черный дрозд пивоваром был.
 Сизый орел винокуром слыл.
 Совушка-вдовушка¹⁴ незваная пришла.
 Синичка по сеничкам похаживала.
 Соловушке головушку поглаживала.
 «Что же ты, соловушко, не женишься?»
 «Рад бы жениться, да некого взять.
 Взял бы ворону, да тётка моя.
 Взял бы сороку — щепетливая она.
 Взял бы синичку — сестричка моя.
 За морем живёт перепёлочка,
 Она мне не мать и не тётушка,
 Её-то люблю, за себя замуж возьму...». ¹⁵

В XVIII в. пословица о синице приобрела нынешнее звучание: «Летала синица море зажигать, море не зажгла, а славы наделала»,¹⁶ «Синица хотела море выпить — не выпила, только славу наделала»,¹⁷ «Хвалилась синица море зажечь; море не зажгла, а славы наделала». В последней из этих версий паремия была употреблена в новиковском журнале «Кошелек». «Лист первый» журнала начинался так:

¹³ Гнедич Н. Н. Стихотворения. Л., 1956. С. 219.

¹⁴ В книге С. С. Гейченко, откуда взята цитата: «соловушка-вдовушка» (см.: Гейченко С. С. У Лукоморья. Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. Л., 1977. С. 57). В большинстве вариантов этой песни так, как напечатано. — *Примеч. ред.-сост.*

¹⁵ Гейченко С. С. У Лукоморья. С. 57.

¹⁶ Собрание 4291 древних пословиц. М., 1770. С. 121.

¹⁷ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.; Л., 1961. С. 110.

«Я недавно был в дружеской беседе, где, весьма весело препровождая время в разговорах и рассуждениях, случилось одному из приятелей моих вымолвить без всякой нужды французское слово в российском разговоре. Сие подало нам причину к рассуждению о сем злоупотреблении, вкравшемся в нас к порче российского наречия».¹⁸

И. Снегирев зарегистрировал поговорку о синице в следующем варианте: «Синица за море летала и море зажигать хотела, синица много нашу мела, да не было из шума дела».¹⁹

Подобные рассуждения вспомнил Крылов в 1811 г., прочитав свою басню «Синица» на заседании Беседы любителей русского слова и напечатать ее в «Чтении...» (1811, кн. IV) этого общества. Однако заключительная сентенция басни: «Что делом, не сведя конца, / Не надобно хвалиться» — вслед за Новиковым — иронически подводила итог ширококвещательным похвальбам русофилов об их успехах в очищении русского языка.

Именно концовка паремии («...моря не зажгла, а славы наделала») позволила поэту вообразить картину столь же фантастическую, сколько и правдоподобную по бытовым реалиям:

Синица на море пустилась:
 Она хвалилась,
 Что хочет море сжечь.
 Расславилась о том по свету речь.
 Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
 Летят стадами птицы;
 А звери из лесов сбегаются смотреть,
 Как будет Океан и жарко ли гореть.
 И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
 Охотники таскаться по пирам
 Из первых с ложками явились к берегам,
 Чтоб похлепать ухи такой богатой,
 Какой-де откупщик и самый тароватый
 Не даывал секретарям,
 Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
 Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
 Лишь изредка иной шепнет:
 «Вот закипит, вот тотчас загорится!»
 Не тут-то: море не горит.
 Кипит ли хоть? И не кипит.
 И чем же кончились затеи величавы?
 Синица со стыдом всвосяи уплыла,
 Наделала синица славы,
 А моря не зажгла.²⁰

¹⁸ Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 478.

¹⁹ Народные поговорки и притчи, изданные И. Снегиревым, М., 1848. С. 369.

²⁰ Крылов И. А. Соч. М., 1984. Т. 2. С. 472.

Любопытно проследить логику развертывания крыловского рассказа. Сначала происшествие, вполне по-сказочному, касается птиц и зверей, людская же толпа вводится лишь по слухам, — может быть, и недостоверным (мало ли что *говорят!*), и вообще-то оказывается, что все это происходит непонятно где: ведь «синица со стыдом всвояси уплыла». В крыловском тексте уравниваются животные и люди в ажиотажном ожидании ими царственного пира, а грандиозность аферы иронически оттенена ничтожностью птички.

Казалось бы, крыловская синица подобна другой его «героине», Моське («Ай, Моська! знать она сильна, / Коль лает на слона»). Но если моськиного лая слон не замечает, то похвальба синицы всем миром была воспринята всерьез. Отчасти это могло быть обусловлено басенной традицией. В «Панчатантре» рассказывалось о том, что птичка пожаловалась верховному божеству на Океан, который смыл ее гнездо, и тот заставил вернуть похищенное: «Тут Господь обрушился на Океан с гневно-бранной речью и, пригрозив ему огненной стрелой, велел вернуть яйца титибхе, иначе, мол, он, Господь, превратит его в сушу.

Перепуганный Океан повиновался. Вот почему я и говорю:

Врага изучи хорошенько:
в чем слабость его — и в чем сила.
Хоть малая птица титибха,
а все ж Океан победила».²¹

В крыловской басне такая мотивировка не обозначена, но тем не менее у Крылова сохранен некий лирический потенциал: восхищение отвагой малой птички.

Русская поэзия в дальнейшем нередко варьировала синичью тему. Ср. у А. П. Сумарокова:

Как синицы птички нежно
Между любятя собой,
Их любовь как с счастьем смежна
В драгости живет самой;
В летах так с тобой мы красных,
И седин мы до своих,
И в седилах желтоясных
В мыслях станем жить одних.²²

²¹ Панчатантра, или Пять книг житейской мудрости. М., 1989. С. 146. В 1762 г. «Академии наук переводчик» Б. А. Волков перевел с латинского «Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индейского». См. также: «Птица Титиба и Море» // Азиатский вестник, содержащий в себе избранные сочинения и переводы по части Наук, Искусств и Словесности стран Восточных, равно Путешествия по сим странам и разные новейшие сведения; издаваемый Григорием Спасским. С января по июль, 1826. С. 339–340. Та же притча сохранилась в арабской версии (см: Калила и Димна. М., 1957. С. 108–109). В русской же версии, «Стефанит и Ихниллат», впрочем, данной притчи не было.

²² Сумароков А. П. Полн. собр. соч. ... М., 1781. Ч. VIII. С. 196.

У М. Зенкевича (1918):

...Бушует на море осенний шторм,
 Не одна перелетная сгинет станица,
 А сердце мое, как синица,
 Зимует здесь около вас
 Под небом морозным синих глаз.
 И ему, как синицам, нужен прикорм,
 И оно, как они, иногда
 Готово стучаться в стекло,
 В крещенские холода
 Просясь в тепло...²³

У О. Мандельштама (Примус. 1924. № 9):

Бушевала синица:
 В море негде напиться —
 И большая волна,
 И вода солоня.²⁴

У Вс. Рождественского (Фронтовому другу: «В простой бревенчатой избушке...», 1943):

Вот так же волком вьюга злится,
 Метет поземкой у ворот,
 Да где-то за морем синица,
 О нас не думая, живет.²⁵

У А. Ахматовой («Любо вам под половицей...», 1942):

Любо вам под половицей
 Перекликнуться с синицей
 И присниться кой-кому,
 Кто от вас во сне застонет,
 Но и слова не проронит
 Даже другу своему.²⁶

Не удивляет поэтому история, рассказанная в стихотворении Михаила Светлова «Разлука» (1929):

Вытерла заплаканное личико,
 Ситцевое платье взяла,
 Вышла и как птичка-невеличка
 В басенку как в башенку пошла.

²³ Зенкевич М. А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М., 1994. С. 111.

²⁴ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. М., 2009. Т. 1. С. 419.

²⁵ Рождественский Вс. Стихотворения. Л., 1985. С. 178.

²⁶ Ахматова Анна. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 292.

И теперь мне постоянно снится,
Будто ты из басенки ушла,
Будто я женат был на синице,
Что когда-то море подожгла.²⁷

Здесь, как и в архетипе проанализированной пословицы, но уже качественно иначе — синица сближена с женщиной.

Литература:

- Алтаузен Дж.* Избранное. М., 1953. С. 113.
Ахматова Анна. Стихотворения и поэмы. Л., 1976.
Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4.
Гейченко С. С. У Лукоморья. Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. Л., 1977.
Гнедич Н. Н. Стихотворения. Л., 1956.
Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.,] 1952. Т. VIII.
Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
Зенкевич М. А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М., 1994.
Калила и Димна. М., 1957.
Колесов В. В. Афористика Древней Руси // Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.). М., 1989.
Крылов И. А. Соч. М., 1984.
Курбатов Всеволод. Животный мир Пушкинского заповедника: Справочник. Михайловское, 2012. С. 147 (Михайловская Пушкиниана. Вып. 55).
Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. М., 2009. Т. 1.
Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.). М., 1989.
Народно-поэтическая сатира. Л., 1960.
Народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым, М., 1848.
Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь. СПб., 2007.
Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.
Панчатантра, или Пять книг житейской мудрости. М., 1989.
Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.; Л., 1961.
«Птица Титиба и Море» // Азиатский вестник, содержащий в себе избранные сочинения и переводы по части Наук, Искусств и Словесности стран Восточных, равно Путешествия по сим странам и разные новейшие сведения; издаваемый Григорием Спасским. С января по июль, 1826.

²⁷ *Светлов М.* Собр. соч. М., 1974. Т. 1. С. 298. Крыловско-светловская тема была продолжена в стихотворении Джека Алтаузена (*Алтаузен Дж.* Избранное. М., 1953. С. 113):

...Светлый облик по ночам мне снится,
Без тебя весь мир — такая мгла.
По ошибке ты, моя синица,
Сердце, а не море подожгла...

Рождественский Вс. Стихотворения. Л., 1985.

Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951.

Светлов М. Собр. соч. М., 1974. Т. 1.

Симони П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII–XVIII столетий. СПб., 1899. Вып. I–II.

Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. III.

Собрание 4291 древних пословиц. М., 1770.

Сумароков А. П. Полн. собр. соч. ... М., 1781. Ч. VIII.

Сумароков А. П. Стихотворения. Л., 1935.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 12.

Аннотация: В статье прослеживается достаточно сложный генезис пословицы: «Хвалилась синица море зажечь, моря не зажгла, а славы наде- лала». Переносный, иносказательный смысл этого высказывания, конечно, ясен, но, чтобы раскрыть его глубинный смысл, приходится обратиться к разнообразному культурному контексту, под влиянием которого шлифовалось данное насмешливое речение. В заключение автор приводит примеры реминисценций пословицы о синице в русской поэзии — от Сумарокова и Крылова до Михаила Светлова.

Ключевые слова: пословицы, образ синицы в фольклоре, реминисценции пословицы в литературе.

S. A. Fomichev (St. Petersburg). Metamorphosis of proverbs about the titmouse.

The article traces the complicated genesis of the proverb: «Praise the titmouse ignite the sea, the sea is not lit, and the titmouse the bad glory is gained». The figurative, allegoric meaning of this statement, of course, is clear, but to reveal its profound meaning, it is necessary to appeal to a diverse cultural context, which influenced this derisive utterance. The author gives examples of proverbs of bird reminiscences in the Russian poetry — from Krylov and Sumarokov to Mikhail Svetlov.

Keywords: proverbs, way tits folklore reminiscences proverbs in literature.

References:

Ahmatova Anna. Stihotvorenija i poemu. L., 1976.

Altauzen Dzh. Izbrannoe. M., 1953. S. 113.

Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. SPb.; M., 1882. T. 4.

Gejchenko S. S. U Lukomor'ja. Rasskazy hranitelja Pushkinskogo zapovednika. L., 1977.

Gogol' N. V. Poln. sobr. soch. [M.,] 1952. T. VIII.

Gnedich N. N. Stihotvorenija. L., 1956.

Gura A. V. Simvolika zhivotnyh v slavjanskoj narodnoj tradicii. M., 1997.

Kalila i Dimna. M., 1957.

Kolesov V. V. Aforistika Drevnej Rusi // Mudroe slovo Drevnej Rusi (XI–XVII vv.). M., 1989.

Krylov I. A. Soch. M., 1984.

Kurbatov Vsevolod. Zhivotnyj mir Pushkinskogo zapovednika: Spravochnik. Mihajlovskoe, 2012. S. 147 (Mihajlovskaja Pushkiniana. Vyp. 55).

Mandel'shtam O. E. Poln. sobr. soch. M., 2009. T. 1.

Mudroe slovo Drevnej Rusi (XI–XVII vv.). M., 1989.

Narodno-poeticheskaja satira. L., 1960.

Narodnye poslovicy i pritchi, izdannye I. Snegirevym, M., 1848.

Nekrylova A. F. Russkij tradicionnyj kalendar'. SPb., 2007.

Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. XII vek. M., 1980.

Panchatantra, ili Pjat' knig zhitejskoj mudrosti. M., 1989.

Poslovicy, pogovorki, zagadki v rukopisnyh sbornikah XVIII–XX vekov. M.; L., 1961.

«Ptica Titiba i More» // Azijatskij vestnik, sodержashhij v sebe izbrannye sochinenija i perevody po chasti Nauk, Iskusstv i Slovesnosti stran Vostochnyh, ravno Puteshestvija po sim stranam i raznye novejshe svedenija; izdavaemyj Grigoriem Spasskim. S janvarja po ijul', 1826.

Rozhdestvenskij Vs. Stihotvorenija. L., 1985.

Satiricheskie zhurnaly N. I. Novikova. M.; L., 1951.

Simoni P. K. Starinnye sborniki russkih poslovic, pogovorok, zagadok i pr. XVII–XVIII stoletij. SPb., 1899. Vyp. I–II.

Slovar' Akademii Rossijskoj. SPb., 1792. Ch. III.

Sobranie 4291 drevnih poslovic. M., 1770.

Sumarokov A. P. Poln. sobr. soch. ... M., 1781. Ch. VIII.

Sumarokov A. P. Stihotvorenija. L., 1935.

Svetlov M. Sobr. soch. M., 1974. T. 1.

Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. M., 1968. T. 12.

Zenkevich M. A. Skazoch'naja era: Stihotvorenija. Povest'. Belletristicheskie memuary. M., 1994.